

СВОЕОБРАЗНАЯ, яркая, насыщенная интересными мыслями и наблюдениями книга эта, просто и скромно озаглавленная «Путь актрисы»*, хорошо принята читателями. Как строгий и взыскательный художник, Серафима Германовна Бирман, обзрев пройденный ею сложный и трудный путь в искусстве, взяла из прошлого лишь самое заветное, на-сущно необходимое, без чего нельзя жить сегодня, нельзя творить завтра.

Актриса повествует о том, как от поисков сценической правды и этических идеалов, замкнутых в кругу профессиональных интересов театральной студии, она пришла к широкому восприятию и пониманию правды художника-гражданина. О том, как формирование мировоззрения, приобщение деятелей искусства к общественной, созидательной жизни страны направляло, помогало, способствовало углублению их мастерства, обогащало возможности и красочную палитру театра.

Однако путь этот был сложен, подчас извилист и противоречив. Много было передумано, пока критерий идейности слился с понятием художественности. «Сердцем ощущаю, — пишет Бирман, — что истинное сценическое самочувствие советского актера — это существование в нем без секунды разлучения гражданина и мастера сцены». Недаром Бирман определила сыгранные ею на

сцене советского театра роли положительных и отрицательных героинь по рубрикам: друзья, враги. Это отнюдь не упрощение, не стремление свести сложность человеческих характеров только к светлым или темным краскам. Так проявились идейная позиция художника, высокая требовательность и ясность в оценке морального облика изображаемой ею личности. Актриса хочет проникнуть в самое нутро, в тайники души «той женщины», образ которой она призвана создавать, обнажить перед зрителем истинные побуждения и страсти, подлинные мотивы ее поступков. У каждой из ее героинь свой нрав, свои привычки, свои представления о счастье и взгляды на жизнь, но определяются они социальным бытием этих людей.

Идейная позиция художника помогает раскрыть не только светлые образы замечательных советских женщин, но и глубоко, всесторонне показать психологию врагов. «Ни на миг, изображая пакость, — пишет актриса, — не забывала я того, каким должен быть настоящий человек». «Являя зрителям свое сценическое произведение, я по-разному освещаю друга и врага. И тут я имею право горячо любить друга и ненавидеть врага. Я имею право на «отношение к образу»...

В книге Бирман чрезвычайно ценно и поучительно для молодых артистов раскрыта творческая лаборатория мастера. Проникновенные ее творческие находки в процессе работы над трагической ролью матери, потерявшей трех дочерей — бойцов народного фронта в пьесе «Салют, Испания!», были рождены огромным сочув-

ствием героической борьбе испанского народа. В то же время выразительные черты и повадки жестокого и хитрого зверя, фашистки штурмбанфюрера Эрны Курциус в пьесе «Особняк в переулке» были продиктованы бдительной и прозорливой ненавистью к низости и бесчеловечности.

...Бирман воссоздает в книге образ своего учителя К. С. Станиславского. С присущей ей наблюдательностью и юмором она сумела запечатлеть и полет вдохновения, огромную требовательность его к себе и другим, напряжение мысли гениального режиссера и теплые, человеческие черточки его чуткого, любовного отношения к «ребятишкам» — юным, одаренным, пытливым ученикам. Выразителен и запечатленный ею облик волевого, целеустремленного Е. Б. Вахтангова и светлый, обаятельный портрет Л. А. Сулержицкого. Многие страницы книги посвящены «системе». Однако Бирман была не только подражателем, робким копиистом, пассивной ученицей Станиславского. В соответствии с подлинным замыслом учителя она восприняла «систему» не как свод технических упражнений и правил. Она поняла в ней самое главное — творческий, созидательный дух, который не мирится с штампом, ремеслом и рутинной, высокой пониманием театра, как отражения действительности, школы жизни.

Бирман пишет не только о творческих победах, но и о просчетах, сомнениях, о борьбе, проходившей в театральной среде в первые годы после Великой Октябрьской революции. Она пишет о благородных помыслах юношей и девушек, стремившихся в искусство, и вместе с

тем о том, как подчас инстинтивно ограничены были искания театральных студий, возникавших в те годы, как далеки они были от требований новой, стремительно развивающейся жизни. Наиболее спорной и противоречивой в ее воспоминаниях является глава о МХАТ II. Не будем сейчас углубляться в сущность ее полемики с А. Диким, в свое время вместе с группой в 16 человек покинувшим II МХАТ, не согласившимся с творческими принципами актера М. Чехова. У Бирман достало мужества самой признать свою пристрастность в этом давнишнем споре. Однако и она вынуждена согласиться с тем, что даже выдающийся талант Чехова не мог привлечь зрителя на спектакль «Петербург», слишком чуждый насущным интересам советских людей того времени. Бирман не может не отметить и гнетущего чувства, которое оставлял печальный, пессимистичный образ Гамлета — Чехова, столь далекий от могучего, волевого гения Шекспира. Но все же пристрастие помешало ей должным образом оценить великолепную, красочную «Блоху», поставленную Диким, перенесшим на сцену поэзию, «удаль славных русских умельцев, героев повести Лескова «Левша»...

В пору творческой зрелости, в годы Великой Отечественной войны и последующие Бирман не раз обращалась к писателям и драматургам с призывом: «Крепкой силой своего неумолимого резца изобразите яркие образы героев наших дней. Дайте нам возможность выплакать все слезы, отсмеять всю радость, дайте продумать все думы... Тогда мы сможем достойно служить народу вы-

соким правдивым искусством!». Поэтому актриса с таким теплом раскрывает историю творческих поисков образов советских женщин — своих современниц, поэтому книга нужна, поэтому она нашла путь к сердцу читателя.

А. ДУБИНСКАЯ.

* Серафима Бирман. «Путь актрисы». Издание ВТО.